

Проф. С. Θ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курскъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). СПБ. 1910.

Почтенный ученый выказалъ въ этой учебной книжкѣ высокой педагогическій талантъ и строгій тактъ. Его учебникъ занимается не правителями и войнами, по старому и давно утратившему прелесть наивности шаблону, а государствомъ и народомъ, общественной и экономической жизнью. Не гонаясь за разнообразіемъ мелкихъ подробностей, быстро улетающихъ изъ памяти учащихся, не загромождая изложенія множествомъ датъ, именъ и фактовъ, составитель умѣетъ показать важнѣйшія теченія народной жизни. Ни о чемъ существенномъ не умалчивая, ничего не искажая въ угоду какой бы то ни было тенденціи, проф. Платоновъ соблюлъ столь трудно дающуюся въ подобныхъ случаяхъ, но особенно необходимую въ преподаваніи, объективность, которую не обинуясь можно назвать педагогической справедливостью и честностью, и которая тѣмъ дороже, что встрѣчается крайне рѣдко.

Θ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. СПБ. 1910.

Сложныя и нелегко поддающіяся объясненію отношенія Александра I и Сперанскаго довольно хорошо очерчены авторомъ, распутавшимъ этотъ своеобразный государственный романъ капризнаго, „къ противочувствіямъ привычнаго“ монарха и властолюбиваго, энергичнаго общественнаго дѣятеля. Удалось г. Уманцу нарисовать удовлетворительно и фонъ, на которомъ разворачивались эти знаменательныя событія первой половины александровской эпохи; удачны и сжатая, бѣглая характеристика другихъ участниковъ этихъ событій. Немного портятъ впечатлѣніе курьезныя, и при томъ вовсе не нужныя, обобщенія, вродѣ того, что „у насъ нѣтъ ни школъ, ни судовъ, ни администраціи“, или что „русскій человекъ“ къ великимъ государственнымъ преобразованіямъ „имѣетъ органическую склонность“.

Е. Бѣлявскій. Русскіе писатели по ихъ происхожденію и воспитанію. СПБ. 1909.

„Въ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы“, говоритъ авторъ— „мы находимъ свѣдѣнія о каждомъ выдающемся писателѣ: гдѣ онъ родился, кто были его родители, каково было его воспитаніе въ дѣтствѣ и затѣмъ школьное и послѣ-школьное образованіе, такъ какъ все эти данныя въ значительной мѣрѣ обуславливаютъ возможность появленія писателя, или же объясняютъ его литературное направленіе; но мы еще не встрѣчали въ нашей литературѣ сочиненія или статьи, посвященной группировкѣ и сравнительному анализу этихъ біографическихъ данныхъ, между тѣмъ какъ это имѣетъ свой живой интересъ и содѣйствуетъ пониманію исторіи литературы“. Тема, безспорно, очень интересная и благодарная, хотя трудная. Авторъ привлекъ къ дѣлу довольно обильный, по для обезпеченія вѣрности наблюденій все-таки недостаточный по количеству матеріалъ, при томъ далеко не провѣренный. Пропусковъ и ошибокъ много. Изъ воспитанниковъ таганрогской гимназіи названъ только Н. Θ. Щербина, и не названъ Чеховъ. Говоря о наследственности таланта, авторъ находитъ, что „литературные таланты переходятъ иногда какъ бы (?) по наследству или по родственнымъ семейнымъ преданіямъ (D“, и ссылается на Княжича, зятя Сумарокова, и Воейкова, женатаго на племянницѣ Жуковского. Неужели авторъ думалъ, что литературный талантъ перешелъ къ нимъ вмѣстѣ съ жениннымъ приданымъ? Но и прослѣженныхъ авторомъ данныхъ было достаточно для того, чтобы подкрѣпить нѣкоторые общіе выводы, дѣйствительно имѣющіе значеніе. „Первоклассные писатели происходятъ только изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ коренное населеніе государства, гдѣ живы народныя идеалы, гдѣ силенъ патриотизмъ... Главнымъ литературнымъ центромъ Россіи служитъ Москва... Въ историческомъ же своемъ развитіи наше литературное движеніе шло не отъ центра къ окраинамъ, а наоборотъ, пока надолго совсѣмъ не сосредоточилось въ центрѣ, — по въ послѣднее время оно опять перешло къ окраинамъ, и при томъ къ окраинамъ западнымъ, самымъ непроницаемымъ въ литературномъ отношеніи, что послужило одною изъ причинъ современнаго упадка литературы... Только тѣ школы плодотворны замѣчательными писателями, въ которыхъ, какъ и въ семьѣ, глубоко національныя начала, и силенъ литературный интересъ“. Значеніе этихъ выводовъ, конечно, должно быть сильно ослаблено тѣмъ соображеніемъ, что они основаны единственно на географическихъ и этническихъ данныхъ, независимо отъ общей исторіи народной жизни.

И. Л.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпуски II и III. Москва. Изданіе „Научнаго Слова“. 1908—1910.

Не всякому читателю посоветуешь взять въ руки книгу извѣстнаго московскаго критика, несмотря на доступность и яркость ея изложенія. Последнее слово, пожалуй, и не совсѣмъ точно это не яркость, а просто краснорѣчіе, кривизна языка блещущихъ фразъ,